

УДК 82-1/-9

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА М.А. ШОЛОХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН»)

ЗАВАРЗИНА Галина Анатольевна,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы;

ЯГОДИНА Инесса Дмитриевна,

аспирант,

Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию образа женщины как важнейшего компонента художественной картины мира М.А. Шолохова. Впервые предлагается комплексное описание структурно-семантической организации исследуемого концептуального образа и его когнитивных признаков. Установлено, что весьма ценная информация о шолоховском осмыслении конструкта «женщина» содержится в его этнокультурном и индивидуально-авторском компонентах, учитывающих особенности языковой картины мира донского казачества и отражающих своеобразие писательского восприятия окружающего мира. В работе делается вывод о важности исследования специфики языковой репрезентации художественного концепта для понимания уникальности творческой манеры автора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: художественная картина мира, идиостиль, образ, концепт, когнитивный признак, этнокультурный компонент, индивидуально-авторский компонент.

WOMAN'S IMAGE AS A BASIC COMPONENT OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD
BY M. A. SHOLOKHOV (BASED ON THE NOVEL "QUIET FLOWS THE DON")

ZAVARZINA G. A.,

Dr. Philolog. Sci., Head of the Department of the Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature;

JAGODINA I. D.,

Postgraduate Student,

Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the woman's image as the most important component of M.A. Sholokhov's artistic picture of the world. The authors propose a comprehensive description of the structural and semantic organization of the investigated conceptual image and its cognitive attributes. The article gives valuable information on Sholokhov's understanding of the "woman" construct, which is contained in its ethnocultural and individual author's components, taking into account the peculiarities of the linguistic picture of the world of the Don Cossacks and reflecting the peculiarity of the writer's perception of the world. The paper concludes that it is important to study the features of the linguistic representation of an artistic concept for understanding the uniqueness of the author's creative manner.

KEY WORDS: artistic picture of the world, idiosyncrasy, image, concept, cognitive attribute, ethnocultural component, individual author component.

Образ женщины является базовым компонентом всей структуры художественной картины мира М.А. Шолохова и представляет собой, прежде всего, «проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций» [6, с. 53; 9; 13, с. 103], а также содержит уникальные варианты развертывания смысла, обусловленные авторским индивидуально-личностным восприятием женщины и отношением к ней [2; 10].

Действительно, исследуемый конструкт идиостиля русского писателя одновременно обладает значением, отражающим устойчивую систему объективных связей и отношений в слове, и смыслом,

связанным с индивидуальным пониманием значения слова, которое выделяется из объективной системы связей, но имеет отношение только к данному моменту и к данной ситуации [5, с. 52; 7, с. 43]. Ср.: «Содержание концептов, свойственных тому или иному художнику слова, определяется особенностями его авторской модальности, художественно-образного восприятия и индивидуально-авторской картины мира» [4, с. 31]; «...художник...по-своему осмысляет выработанные в культуре концепты, он как бы заново переоткрывает содержание концепта: из многообразного спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все – на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков, которые при обживании концепта автор последовательно проводит, используя различные средства лингвокреативной техники» [12, с. 203; 11].

Исследование показало, что концептуальный образ «женщина», вербализованный в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», может быть представлен в виде структуры, внутри которой четко обозначены четыре главных компонента: 1) компонент, фиксирующий признаки межнационального когнитивного сознания, 2) компонент, связанный с традиционным для русской культуры пониманием, 3) этнокультурный компонент, учитывающий особенности языковой картины мира донского казачества, 4) компонент, отражающий особенности индивидуально-авторского восприятия мира и его реалий. Безусловно, названные компоненты могут дополнять друг друга, выступать в комбинациях друг с другом, однако роль каждого из них в языковой репрезентации исследуемого ментального образования, безусловно, достаточно велика.

На основании фактического материала было установлено, что в содержании конструкта «женщина», воплощенного в художественном материале М.А. Шолохова, представлены, прежде всего, стереотипизированные признаки общенационального когнитивного сознания, к которым можно отнести:

1) базовые смысловые признаки: а) женщина – лицо, противоположное мужчине по полу [8, с. 244]: «Из боковой аллеи... вынырнула высокая, в палевом платье, женщина» [13]; «Уснул, примиренный... отрывочными воспоминаниями о женщинах, чьи пути скрещивались когда-то...»; б) женщина – взрослая, в отличие от девочки, девушки [8, с.244]: «Замужняя жизнь не изжелтила... ее: высокая, тонкая... была она похожа на девушку»; в) женщина – лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.) [1, с. 243]: «Хозяйка – радушная и добрая женщина... тихонько спросила у Прохора» [14].

2) признаки, отражающие традиционные понятия, касающиеся, в первую очередь, предназначения женщины в мире:

а) женщина-мать, образ которой традиционно ассоциируется с прекрасным и связан с понятиями эмоционального тепла, внимания и заботы. Ср.: «Постаревшая мать ...вымочила слезами петлицы шинели и, неотрывно обнимая сына, лепетала что-то...»; «Ходила я пеши в Сингин – материнское-то сердце не терпит...»; «Всю жизнь вбивала в детей, стала неряшливей к себе, все время...тратила на них: мыла, стирала, вязала, штопала...»; «Аксинья неистово молилась, просила у бога последнюю милость – сохранить жизнь ребенка»; «...плакала мать, точила горькие скупые слезы, ...жалостно причитала, узорила клейменую бязевую грязную рубаху слезами» [14];

б) женщина-хранительница очага: «Ее, девчье, дело – полы подметать, воду бабке носить..., да и мало ли у них всяких бабьих делов?»; «А Плюшка останется с бабкой домоседовать»;

в) женщина-жена: «Из Туретчины привел он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину»; «Дуняшка... да Петрова жена Дарья с малым дитём – вот и вся мелеховская семья».

В понятийной составляющей исследуемого концепта, актуализированного в художественных контекстах романа М.А. Шолохова, можно выделить также целый ряд традиционных для русской культуры когнитивных признаков, среди которых важнейшими являются следующие:

1) женщина – воплощение духовности, что проявляется в ее способности к самопожертвованию, умении проявлять милосердие и сострадание: «Анна... обняла его и спокойно, как мать, поцеловала в лоб. И после этого Бунчук долго ощущал на себе...

ее теплую, налитую вровень с краями материнскую заботливость»; «...вдруг непрошенная жалость к этому ненавистному ей человеку – та щемящая материнская жалость, которая покоряет и сильных женщин, – проснулась в сердце Ильиничны»; «Сердобольные бабы на одном из хуторов окружили конвойных...» [14];

2) женщина – воплощение любви и всепрощения: «Наталья пошла молча, вытирая часто набегавшие слезы: "За что ж ты меня опять мучаешь?"»;

3) женщина – сильная личность (она отличается физической выносливостью и обладает сильным духом): «На смуглых полных ее руках... играли мускулы»; «Старуха... мужским, уверенно-сильным движением подняла коно испорченную ногу»;

4) женщина-труженица. Следует отметить, что при характеристике отношения женщины к труду доминантными областями в произведении писателя являются внешность персонажа (напр., огрубелые от работы пальцы; большие, раздавленные работой руки; большие рабочие руки; рабочая спина и др.), а также многообразие направлений его деятельности и их характеристика (напр., «...высушили и издурнили тебя работа, нужда, дети...» и др.).

Оценка женщины и отношение ее к труду нередко содержится в высказываниях персонажей: «Девка... всем взяла: что на полях, что дома...»; «...да таких-то девок по белу свету поискать! Работа варом в руках: что рукодельница! что хозяйка!»;

5) женщина-мученица (ср.: терпит побои мужа и др.): «...Степан обдуманно и страшно избил молодую жену»; «Просто решил избить, но так, чтобы на всю жизнь отбило у бабы охоту хвост трепать».

О гендерной дискриминации женщины свидетельствуют созданные писателем образы-сравнения и метафоры: голова казачки поворачивается за мужчиной как «шляпка подсолнечника, наблюдающего за медлительным кружным походом солнца», «жена – что кобыла: до той поры ездись, покада зубы в роте держатся», «жена не медведь, в лес не уйдет».

О второстепенной роли женщины, по сравнению с мужчиной, говорят также функционирующие в художественных текстах номинации, которые, как правило, образованы от имени мужа с помощью суффикса -их (напр., Фоминиха от сочетания жена Фомина, Чугуниха от сочетания жененка Чугуна; Дроздыха, Андрониха и др.) и являются сниженными с точки зрения стилистической окраски или построены по модели: чья? жена (напр., Петрова жена, Христонина жена/ Христонина баба, Аникушкина жена и др.) и реже: жена чья? (напр., жена Томила). Кроме того, по отношению к женщине нередко используются сниженные просторечные и грубо-просторечные, бранные слова-обращения (напр., баба, женка – разг., женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке; супруга; жена; местн., лицо женского пола в зрелом возрасте [1]; женщина, жена; дура – разг., глупая женщина (обычно бран.) [8], сучка (прост.), стерва (прост. бран.), курва – разг., прост., экспр., женщина легкого поведения, блудница [1], подлюга (прост., бран.), потаскуха (прост., презр.), карга старая – бран., злая безобразная старуха [1], чертяка облезлая (разг., сниж.), старая чертовка – прост., бранное слово (о женщине) [8] и др.): «Баба моя приезжала... Про твою жененку по хутору толкуют»; «Дуры! Сучки! – испуганно заорал Пантелей Прокофьевич... – Стервы, мать вашу курицу! Цыцте, окаянные! Мужчинское дело, а они равняются, а также зооморфные (напр., гусыня, змея, кобыла, волчиха и др.), фитонимные (напр., репей

и др.) и медицинские (напр., лишай конский, короста и др.) метафорические наименования:

7) женщина – основа и продолжение рода.

Следует отметить, что названный признак, лежащий в основе лексико-семантического поля родственных отношений, следует отнести к вненациональным категориям, однако целесообразнее рассматривать его в ряду компонентов, свойственных русской картине мира, по причине специфической вербализации: в текстовом пространстве М.А. Шолохова когнитивный признак репрезентирован словесными знаками, образованными словообразовательными и лексико-семантическими способами русского языка.

Так, например, понятие «мать», реализующее в художественном контексте значения «источник любви в семье», «образ дочери», «стержень рода, опора и надежность целостности семьи», «лицетворение доброты и любви», имеет следующие словесные выражения: мать, мама, матушка, маманя, маманюшка, мамунюшка и др. Названное понятие включено в романе в оппозицию «мать – мачеха»: «Нервный характер мачехи влиял не похорошему на воспитание детей».

Понятие «дочь», реализующее в произведениях писателя значения «объект особой любви, нежности, гордости матери (и/ или отца)», «повторение, копия матери», «опора для матери», «источник постоянных забот для матери», «красивый и любимый ребенок» и др., представлено номинациями «дочь», «дочеря», «дочушка», «донюшка» (диал.), «водворка» (диал.) в значении «дочь, за которую в дом принимают зятя» и др.: «Приспичило тебя, дочушка, хворать»; «Зернышко мое, дочушка! – приглушенно звенела мать».

Понятие «бабушка», репрезентируемое словесными знаками бабушка, бабунюшка, бабуня, бабка и др., актуализирует в художественном контексте значения «замена матери для внуков», «родовые корни, память рода», «образ матери», «источник любви для внуков» (ср.: «Недоношенного ребенка, сжалившись, взяла бабка, Прокофьева мать»; «Бабуня! Вот этот самый и зарезал нашего кочета!»). Однако, функционирующие в функции апеллятива, данные номинации могут использоваться в обобщенном значении и называть лицо, не находящееся в родственных отношениях с говорящим (напр., Аксиныя обращается к бабке Дроздице и называет ее бабунюшкой). Ср.: внучка, внученька, внучушка; сестра, двоюродная сестра, сестренка, сестрица, сеструшка и др.

Особое место в поле родственных отношений занимает понятие «жена», которое отражает роль женщины и ее место в семье и репрезентируется общелитературными лексемами «жена», «женушка», «окказиональными номинациями «жененка», «семьянинка» («Здорово, Гришенька! Как живешь-любилась с молодой женушкой?») и диалектным словом «дружечка»: «Ты вот женись, ...а посла узнаешь, скачают ай нет по дружечке» (ср.: любушка, жалечка и др.), одновременно включаясь в две оппозиции: жена – жалмерка (диал.) в значении «жена ушедшего на войну казака» – вдова и жена – любовница – полюбовница (диал.) – шмара (жарг.) – сожительница: «Вот она – законная брошенная жена – стоит перед ней приниженная, раздавленная горем; ...когда она, Аксиныя, томилась в смертной тоске, вот эта..., наверное, смеялась над нею, неудачливой оставленной любовницей». Слово «сожительница» и др., называющее женщину, состоящую во внебрачных отношениях с мужчиной, формирует понятие о несостоятельности, его вторичной/ относительной важности для человека: «...его сожитель-

ница... девушка нестареющая и круглая, с постоянно неприлично выглядывающей нижней юбкой...».

Отдельную группу языковых элементов, называющих лицо по его роли в семье, образуют словесные знаки «теща», «свекровь», «сваха», «сноха», «кума» и нек. др.

Лексические единицы «теща» и «свекровь» в исследуемых контекстах реализуют значения «хранительница очага», «знающая истинную цену вещей», «любящая близких», «домовитая», «практичная» («Утром он... пошел с Натальей проведать деда Гришаку и тещу»). Ср.: сваха-свашенька, свашка, кума; сноха-сношенька; тетя-тетка, двоюродная тетка, тетинка; родственница и др.

Этнокультурное понимание исследуемого ментального образования, связанное с особенностями языковой картины мира донского казачества, отражает в идиостиле М.А. Шолохова представление о женщине-казачке. Данная составляющая актуализирует в тексте художественного произведения когнитивные признаки «гордость», «смелость», «непокорность» [12] (ср.: «...черная гордость, гордость, не позволявшая ей, отверженной, оставаться в Ягодном, встала в ней на дыбы»; «... с сатанинской гордостью, раздувая ноздри, проходила мимо»); а также признаки «красота», «чистота и опрятность» (ср.: «...хозяйка, высокая, красивая и породная, что боярыня, казачка»; «Яркая, бросающаяся в глаза красота ее привлекала внимание толпившихся у берега пехотинцев»; «...из горенки вышла какая-то дюже красивая баба...»; «...сидела немолодая, опрятно одетая казачка»).

Как показало исследование, весьма значимым при оценке героини является описание ее внешности и выделение характерных особенностей, которые перекликаются с душевным складом и темпераментом персонажа. Действительно, портрет у М.А. Шолохова отражает не только внутренние перемены, но и проходящие, сиюминутные чувства. Женские героини романа говорят улыбками, выражением своих глаз больше, чем словами [3, с. 340; 9]. В творчестве М. Шолохова темные густые волосы (ср.: «гладко причесанные черные блестящие волосы, собранные позди в тяжелый узел»), черные, изогнутые брови (ср.: «тонкие ободья бровей ее покрылись черной краской») и черные выразительные глаза (ср.: «бескрайне счастливые глаза», «влюбленные, горячие и затуманенные глаза»; «черные глаза, блестящие слезами и улыбкой», «теплые глаза», «отягощенные стыдом глаза», «глаза, блестящие, как зерна обрызганного росой паслена», «глаза с огоньком», «глаза лучились такой сияющей трепетной теплотой»; «глаза ее вспыхнули таким ярким брызжущим светом радости») составляют эталон красоты казачки и характеризуют их обладательницу, как красавицу. Вместе с тем белый цвет является важным для оценки героинь при описании их внешности и одежды: белый как символ чистоты («белый подсиненный платок», «голова казачки в белом платке») или указание на беззаботность жизни («лицо белое», «ручки чистые-пречистые»).

Важнейшими портретными характеристиками женских образов, акцентирующими внимание на внешности героинь, являются губы («...запах ее губ, пахнувших то ли зимним ветром, то ли далеким, неуловимым запахом степного, вспрыснутого майским дождем сена...», «жаркие губы», «пухлые губы»), зубы («сахарная белизна зубов»), шея («шея в крупных кольцах пушистых волос», «смуглая точеная шея»), руки («горячие руки»), плечи («...рубаха... охватывала крутую спину и налитые плечи»; «крутые, вызревшие плечи»), бедра

(«...покачиваясь в бедрах, шла в курень»), спина («ладный стан», «широкая, рабочая спина»), ноги («полные, как выточенные, ноги»; «белые, полные в икрах ноги»).

Актуальными для оценки фигуры являются ее параметрические данные: «объем», «особенности телосложения»: чрезвычайно привлекательной для автора является статность фигуры, округлость женских форм. В словесном портрете фиксируется образ подчёркнутой телесности казачки: «полные, как выточенные, ноги, волнующе-тугой обтянутый живот и широкий, как у кормленной кобылицы, зад...». Ср.: «Хоть бы баба была, а то так... Ни заду, ни пуза, одна страма».

Индивидуально-авторский когнитивный компонент исследуемого концептуального образования содержит разные идеи, среди которых ведущими являются следующие:

1) идеи эмоционально-чувственного содержания, воплощенные в образах-символах:

- женщина-огонь (в конце романа женщина-свет).

Данная составляющая актуализирует в тексте художественного произведения когнитивные признаки «порочная красота» (ср.: «порочно-завышающий взгляд», «порочно-жадные красные», «припухшие, слегка вывернутые, жадные», «зовущие, слегка вывороченные, порочно-красные» губы и др.), «губительная красота», «активно стремится к счастью», «способна бросить вызов родовым понятиям».

Подобное индивидуальное понимание концепта «женщина» реализуется в метафорах и сравнениях: «жгла его полымем черных глаз», «в глазах, присыпанных пеплом страха, чуть приметно тлел уголек, оставшийся от зажженного Гришкой пожара», «балованный отчаянный огонек», «исступленно горели они (глаза) одним бесстыдным полымем»;

- женщина-разрушительница: «Анна в сбитой на затылок повязке, растрепанная и неузнаваемая от волнения, обескровившего ее лицо, вскочила и – винтовку наперевес, –...таким же неузнаваемым ломким голосом крикнула: "За мной!" – и побежала неверной, спотыкающейся рысью».

2) идея чувственно-интеллектуального содержания, воплощенная в образе-символе женщина-мудрость: «Ильинична – эта мудрая и мужественная старуха – и с места не двинулась».

Данная составляющая актуализирует в тексте художественного произведения когнитивные признаки «спокойствие», «душевность», «порядочность», «способность не обращать внимание на мелочи», «умение видеть главное»: «Вы его, добро-то, не наживали, вам легко его кинуть. А мы со стариком день и ночь хрип гнули, да вот так-таки и кинуть?».

3) идея морально-нравственного содержания, воплощенная в двух образах:

- женщина-праведница (ср.: «праведник – человек, который ни в чем не погрешающий против правил морали, нравственности» [8, с. 541]): «...сидела она... прекрасная, сияющая какой-то чистой внутренней красотой» (о Наталье Коршуновой).

Данная составляющая актуализирует в тексте художественного произведения когнитивные признаки «терпение», «верность», «порядочность»: «Славная бабочка. Себя дюже блюдет. Чтоб баловство какое аль ишо чего – нету за ней этого»;

- женщина-блудница, для именованья которой используются лексемы (напр., «дрянь», «зараза»), фраземы (напр., «сука поблудная», «отрезанный ломоть») и метафорические номинации и компаративные конструкции («живет, как хохол на отживе», «цветет, как придорожная белена»; «от работы хоронится, как собака от мух»).

Данная составляющая актуализирует в тексте художественного произведения когнитивные признаки «дьявольская красота», «нечистоплотность», «неверность»: «...она была дьявольски хороша... в своевольном изгибе накрашенных бровей и в складке улыбающихся губ тайлось что-то вызывающее и нечистое»; «нечистоплотные любовные увлечения Дарьи».

Изучение структурной организации и языковой репрезентации художественного концепта является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста М.А. Шолохова и для понимания уникальности его творческой манеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Бритиков, А.Ф. Мастерство Михаила Шолохова [Текст] / А.Ф. Бритиков. – М.; Л.: Наука, 1964. – 203 с.
3. Жандарова, Т.А. Функции портрета в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Т.А. Жандарова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4(1). – С. 338-344.
4. Загоровская, О.В. Художественный концепт как проявление индивидуально-авторской картины мира [Текст] / О.В. Загоровская, Т.Н. Данькова // Проблемы лингвопоэтики и стилистики: сборник научных работ / под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: ВГПУ, 2008. – С. 17-34.
5. Колесникова, В.В. Художественный концепт «душа» и его языковая репрезентация в художественном тексте (на материале произведений Б. Пастернака) [Текст] / В.В. Колесникова // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. – 2006. – С. 50-55.
6. Кочнова, К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования [Текст] / К.А. Кочнова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – С. 53-56.
7. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория [Текст] / Л.В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 42-45.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; ООО «АТЕМП», 2010. – 944 с.
9. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 226 с.
10. Словарь языка Михаила Шолохова [Текст] / Е.И. Диброва [и др.]. – М.: Словари.ру, 2014. – 377 с.

11. Тарасова, И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля [Текст] / И.А. Тарасова // Языкознание. – 2004. – № 1. – С. 23-28.
12. Тильман, Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева [Текст] / Ю.Д. Тильман // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 203-212.
13. Чурилина, Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры : дис. ... докт. филол. наук [Текст] / Л.Н. Чурилина. – СПб., 2003. – 513 с.
14. Шолохов, М.А. Тихий Дон [Текст] / М.А. Шолохов // Собрание сочинений : в 8 т. – М., 1980. – Т. I–IV.